

**«Русско-китайская дружба» и особое
отношение китайцев к русским:
стереотипы восприятия
второй половины XIX – начала XX вв.**

Представления об иных этносах, странах являются важнейшей частью национального самосознания. Представления русских о своем соседе Китае складывались на протяжении нескольких веков. Формирование же образа Китая как динамической системы представлений и мнений исследователи относят к XIX в. В XIX в., особенно во второй его половине, активизируется международная политика в дальневосточном регионе (опиумные войны, борьба за сферы влияния в Китае). Русско-китайские контакты становятся интенсивнее в сравнении с предыдущим периодом, заключается ряд договоров: Айгунский и Тяньдзинский (1858 г.), Пекинский (1860 г.) и др. Важной частью образа Китая в российском сознании были представления о характере русско-китайских отношений и о взаимоотношении двух соседних этносов – русских и китайцев, которые постепенно приобретают форму стереотипов – упрощенных, схематизированных, эмоционально насыщенных установок социальной группы.

Наиболее распространенным был стереотип *об особых дружественных отношениях России и Китая*. Государственными деятелями, дипломатами, официальными изданиями, проправительственной прессой тезис о русско-китайской «вековой дружбе» всячески пропагандировался. Российскими авторами подчеркивался особый статус отношений России и Китая, которые урегулировали все приграничные вопросы, в то время как западные державы вынуждены тратить миллионы на войну с Китаем для установления государственных отношений.

Отношения России с династией Цин были действительно уникальны. До середины XIX в. Россия была единственной европейской державой, которую Китай признавал равной себе, подписывая с ней договоры и посылая дипломатические миссии. Одна только Россия пользовалась правом отправлять в определенное время и

* Анастасия Сергеевна Титаренко – ассистент кафедры истории России Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

по предписанному пути посольства в Пекин. Заключение с Китаем невыгодных для него трактатов трактовалось официальной пропагандой как благодарность Китая России за ее дружескую помощь, особую поддержку в его отношениях с другими европейскими державами («не раз, в тяжелые для Китая времена, Россия оказывала ему дружеские услуги» [14; 10]). Помощь России заключалась, как правило, во вмешательстве в мирные переговоры по итогам китайско-французского столкновения в 1858 г., японо-китайской войны 1894–1895 гг.; а также в усмирении восстания под предводительством Якуб бека в Восточном Туркестане в 1871 г. Эта идея стала официальной идеологией российской внешней политики, и ее разделяли многие ученые и политики.

Китай вообще для России «по уживчивости и удобнейший по консервативным качествам сосед» [18; 130], – писал князь Э. Э. Ухтомский, один из советников Николая II в дальневосточной политике. Главными идеями, которые пропагандировали проправительственные газеты «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «Гражданин», были тезис о «цивилизаторской» и «высококультурной» миссии России на Востоке и утверждение о миролюбивой внешней политике России, «многовековой дружбе» с Китаем. Русские монархические издания главным союзником на Дальнем Востоке видели Цинскую империю, где Россия с помощью политики «мира» и «дружбы» могла получить выгодное положение.

Синолог, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского Университета (1878–1893) В. П. Васильев составил проект договора о стратегическом союзе для двух стран. Документ начинался словами: «Два великих соседних государства представляют для всего света небывалый пример самых дружеских, не нарушенных ни разу в продолжение 230 с лишком лет сношений», а первый пункт гласил: «Друг одного государства будет другом и другого, враг одного будет врагом и другого». Ф. Ф. Мартенс, специалист по международному праву мирового уровня, был активным сторонником концепции об уникальной русско-китайской дружбе. В своей «Заметке о кризисе на Дальнем Востоке» 5 августа 1900 г. Мартенс писал, что «политика нашего правительства по отношению к Китаю была всегда проникнута государственными целями доброго соседства и мирной обоюдovыгодной торговли» [8].

Даже в период кризиса в русско-китайских отношениях стереотип «русско-китайской дружбы» не исчезает. Амфитеатров по поводу ввода российских войск в Пекин в 1900 г., в связи с восстанием ихэтуаней, пишет: «Известие о войне с Китаем обрушилось на русское общество, как гром из ясного неба, – фокус погоды, который может ошеломить до полоумия человека» [2; 36]. Для него эти

события выглядят противоестественными и вызванными коварной политикой европейцев, так как «Китай нас не ненавидит. Мы не ненавидим Китая». Журналист кадетской газеты «Речь» И. В. Полибин писал: «Нас связывает с Китаем политическая «дружба» продолжавшаяся более двух столетий, и в которой боксерское восстание 1901–02 гг. было лишь случайным эпизодом... Официально мы с Китаем не воевали никогда... имели с Китаем многочисленные столкновения политических интересов, которые всегда удавалось устранять без всякого кровопролития» [11].

Стереотип о русско-китайской дружбе был распространен и в народном сознании. Китай рассматривался как союзник России. А. Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» описывает обсуждение крестьянами политических слухов вокруг Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.:

«Толкуют вот, Китай за нас против англичанки подымается, только царь ему не верит – боится, как бы не обманул, на нас потом не повернул. А что в газетах про Китай пишут?

- Я ничего не читал.

- Толкуют, что Китай за нас подымается. Дай-то господи...» – говорили крестьяне» [19].

Наиболее отличным было мнение российских военных, которые двухвековую дружбу с Китаем называли «фикцией» [6]. Начало данному представлению положил Н. М. Пржевальский, утверждавший, что начиная с первого русского посольства в Китай в 1653 году все сношения со Срединной империей зиждутся на сохранении восхваляемой двухсотлетней дружбы, в основе которой «наше двухвековое заискивание пред Китаем» [12; 530]. Разные политические силы, поддерживающие союз с Японией, а не с Китаем на Дальнем Востоке, также не поддерживали сближение с Китаем, основанное на особых дружественных отношениях. Но все же стереотип о русско-китайской дружбе был довольно распространенным и широко пропагандировался правительством практически вплоть до конца русско-японской войны.

В связи с мифом о русско-китайской дружбе в российской литературе и публицистике очень распространено было *мнение об особом отношении к русским китайцев*. Чаще всего эту особенность выделяли посредством сравнения взаимоотношений китайцев с русскими и европейцами. Ухтомский писал: «Китайцы нас считают совсем своими и от европейцев строго, с великой симпатией различают» [17]. Архимандрит Палладий Кафаров, начальник 13-й Русской духовной миссии в Пекине, упоминал, что «китайцы вообще менее предубеждены против русских, чем против других наций» [4; 63], а православная церковь будет пользоваться большей снисходительностью в Китае, чем другие, потому что не

навлекла на себя предубеждений и подозрений со стороны соседей [3; 39]. Князь В. Львов в «Вестнике Европы» отмечал: «Китайцы, боящиеся американцев, ненавидящие англичан, отравляющих их опиумом, презирующие французов и всех европейцев, относятся дружелюбно к русским, быть может благодаря старинному знакомству с ними и даже некоторому сходству в характере (недаром русские путешественники по Китаю находят в нем поразительное сходство с допетровской Русью)» [7; 755]. В брошюре о Китае карманного формата, предназначенной для народных училищ, учащимся пояснялось: «К русским китайцы относятся вообще очень дружелюбно, но на других европейцев смотрят неприязненно и крайне недоверчиво» [13; 14]. Солдат, служивший в Порт-Артуре, писал о китайцах: «китайцы народ смиренный, очень смиренный. И этой смирностью их пользовались англичане и немцы; их священники обращали китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский – свой человек, хороший и европеец – худой человек. И невзлюбили они европейцев – англичан, французов и немцев» [6; 6–7]. Среди причин особого отношения к русским назывались длительная история соседства, мирные и добрососедские отношения, ненавязчивость в деле распространения христианства православными священниками. Существовали мнения о том, что «имя русского в Китае пользовалось уважением, благодаря бывшим поработорителям монголам, которые завезли в Китай добрые сведения о русских и которые позже распространяли в китайских пределах славу имени Белого Царя» [14; 9–10]. Некоторые российские авторы старались даже доказать существование родства между русскими и китайцами наличием в их жилах одной крови» [9; 2]. Синологами стереотип об особом отношении китайцев к русским нередко опровергался. Так, А. Рудаков посредством анализа китайского языка сделал вывод, что русских китайцы рассматривали как заморских чертей [15; 73].

Ухудшение отношений с Китаем влияло на устоявшееся мнение представителей российской общественности о хорошем отношении китайского народа к русскому. Так, журналист Д. Янчевецкий писал, что после взятия Порт-Артура русских китайцы перестали уважать, а стали только ненавидеть и бояться [20; 5]. Особенно много замечаний об отвратительном отношении китайцев к европейцам и русским появилось после восстания ихэтуаней 1898–1901 гг. Китай называли «враждебной русским страной», указывали на шаткое и непрочное положение русских в Китае, писали о зверствах и разнообразных казнях, которые китайцы применяли не только к европейцам и русским, но даже к китайцам, которые были в близком общении с русскими: подрядчикам, переводчикам, прислуге. А Д. Позднеев, будучи очевидцем событий в Пекине 1900 г., писал:

«Русские почему-то льстят себя надеждою, будто к ним китайцы относятся лучше, нежели к другим народностям. За все время пребывания в Китае я не нашел ни одного подтверждения этого взгляда, и думаю, что нелюбовь к иностранцам общая у китайцев, с такой же силою распространяется и на русских, как и на другие народности» [10; 9]. Жена командира участка железной дороги у деревни Фулярджи вблизи Цицикара писала в воспоминаниях, что после начала боксерского восстания нельзя было, как прежде, свободно гулять одним, особенно дамам. Крики «худо», «русская бабушка худо» заменили прежнее добродушное «шанго» (хорошо) [1; 149]. Писательница Суворова вообще описывала вражду и отвращение к русским как некий расовый инстинкт китайской души [16].

Представление об особых отношениях русских и китайцев, об особых межгосударственных отношениях России и Китая в российском сознании являются стереотипами, сформировавшимися благодаря ряду факторов: территориальной близости Российской и Цинской империи; довольно длительному соседству с наличием буферных зон и отсутствием частых контактов и, как следствие, крупных вооруженных столкновений; а также благодаря русско-китайскому сближению в середине XIX в. Стереотипы в наиболее упрощенной форме существовали в народной среде, в рамках интеллектуальной элиты «обрастали» подробными характеристиками, иногда отвергались и не принимались специалистами, изучавшими Китай. В начале XX в. стереотип трансформируется в связи с изменением характера русско-китайских отношений. Сегодня мы можем замечать вновь использование стереотипа русско-китайской дружбы в средствах массовой информации.

Литература

1. А. И. Последние дни в Маньчжурии (Из личных воспоминаний) // Русское богатство. – 1900. – № 10. – С. 143 – 168.
2. Амфитеатров А. В. Китайская гроза (После боя при Таку) // Амфитеатров А. В., Дорошевич В. М. Китайский вопрос. – М., 1901.
3. Кафаров П. Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения Православно-Проповедческой Миссии в Китае // Китайский благовестник. – Вып. 9/12. – 1915. – С. 44.
4. Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Романенко А. Д. Китай у русских писателей. – М., 2008. – С. 63–65.
5. Краснов П. Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. – СПб., 1901.

6. Куропаткин А. Н. Записки о Монголии, Маньчжурии и Японии // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 170. Л. 22.
7. Л-въ В. Торговые задачи России на Востоке и в Америке // Вестник Европы. – 1871. – № 2. – С. 753–777.
8. Мартенс Ф. Ф. Заметки о кризисе на Дальнем Востоке // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3408. Л. 3.
9. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. – СПб., 1881.
10. Позднеев Д. М. 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. – СПб., 1901.
11. Полибин И. В. Наши дела в Китае // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2065. Л. 1-3.
12. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. – СПб., 1888.
13. Пуцыкович О. О. Китайцы. – СПб., 1901.
14. Россия на Дальнем Востоке. – СПб., 1901.
15. Рудаков А. Общество И-ХЭ-ТУАНЬ и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1901.
16. Суворова В. Китайская душа // РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 311. Л. 2-16.
17. Ухтомский Э. Э. Письмо графу Михаилу Николаевичу от 20 мая 1897 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 171. Л. 9.
18. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича : в 4 т. – Т. 2. – Ч. IV. – СПб., 1895.
19. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. Письмо шестое. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/ENGLGRDT/06.htm> (дата обращения: 13.11.2012).
20. Янчевецкий Д. Гроза с Востока. Очерки. – Ревель, 1907.